

Ксения Владимировна Дирко

магистр полит. наук, преподаватель-стажер каф. истории и социальных наук
Белорусского государственного университета иностранных языков

Ksenia Dirko

Master of Political Sciences, Trainee-Lecturer of the Department of History and Social Sciences
of Belarusian State University of Foreign Languages
e-mail: kseniadirko13@gmail.com

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: КОНЦЕПТ И КЛЮЧЕВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Исследуются место и значение политики памяти в политической науке, осуществляется концептуальное осмысление этого понятия и выявление его ключевых измерений. Анализируются различные подходы ученых в области политологии и истории к определению политики памяти и ее разграничению со смежными понятиями (историческая политика, символическая политика). Особое внимание уделяется выражению основных идей и отличительных особенностей политики памяти в различных теоретических моделях, а также определению роли и значения этого инструмента в контексте его практического применения в современных политических процессах.

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, символическая политика, политизация истории, коммеморация.

Memory Policy: the Concept and Key Dimensions in Political Science

The article is devoted to the study of the place and significance of memory politics in political science, and is also aimed at conceptualizing memory politics and identifying its key dimensions. The article analyzes various approaches of scientists in the field of political science and history to the definition of memory politics and its differentiation from related concepts (historical politics, symbolic politics). Special attention is paid to expressing the main ideas and distinctive features of memory politics in various theoretical models, as well as defining the role and significance of memory politics in the context of its practical application in modern political processes.

Key words: politics of memory, historical politics, symbolic politics, politicization of history, commemoration.

Введение

В современном мире история все чаще становится ареной политических конфликтов и инструментом конструирования национальной идентичности, что обуславливает повышенный интерес к исследованиям в области политики памяти. В этой связи проблема исследования политики памяти выходит на первый план, как в области теоретического осмысления основных ее положений, так и для правильной практической интерпретации исторических событий.

Интерес к исследованию политики памяти проявляют многие ученые, работающие как в области истории, так и в сфере политологии. Особое значение в изучении теоретических аспектов этой проблематики имеют труды О. Ф. Русаковой, П. Нора, О. В. Нагорных, Л. М. Неяковского, Д. А. Аникина, Г. Касьянова, А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, С. П. Поцелуева,

А. Г. Цымбала, С. С. Лифанова, С. Льюиса, Дж. Вавжиняка и Р. Трабы.

Так, О. Ф. Русакова, П. Нора, А. Г. Цымбал, О. Ю. Малинова и С. П. Поцелуев исследуют вопросы происхождения и соотношения политики памяти с другими концептами, такими как историческая и символическая политика.

С. С. Лифанов, О. В. Нагорных, Л. М. Неяковский, Д. А. Аникин, А. И. Миллер, С. Льюис, Дж. Вавжиняк и Р. Траба анализируют отличительные черты, особенности становления и реализации политики памяти в различных государствах. Несмотря на значительное количество исследований в области политики памяти, проблема остается актуальной в связи с усиливающейся политизацией истории в современном мире.

Актуальность исследования политики памяти в первую очередь обусловлена отсутствием в научном сообществе единого понимания понятия «политика памяти». Это

создает трудности для исследований, поскольку разные авторы могут вкладывать в него разный смысл. Поэтому актуальна научная проблема уточнения концепта политики памяти и выделения его ключевых измерений.

Актуальность исследования повышает то, что в ряде государств существуют острые противоречия, связанные с разными интерпретациями исторических событий. Эти расхождения приводят к социальной напряженности, политической нестабильности и даже вооруженным столкновениям. Исследование политики памяти помогает понять причины идеологических столкновений и найти пути их разрешения. В последнее время в условиях активной цифровизации общества появляются новые формы коммеморации, новые способы доступа к исторической информации и новые каналы коммуникации. Поэтому на современном этапе развития общества актуально не только понимать, как конструируется память о прошлом, но и критически оценивать предлагаемые нарративы. Такой подход позволяет выявлять манипуляции и другие формы искажения истории.

Цель статьи – выявить сущность концепта политики памяти и охарактеризовать его ключевые измерения в политической науке. Задачи статьи:

- 1) сформировать четкое и операциональное определение, которое может быть использовано в дальнейших исследованиях;
- 2) разграничить концепт «политики памяти» со смежными концептами (историческая политика, символическая политика) и выявить их взаимосвязь;
- 3) оценить влияние политики памяти на политическую систему общества.

Основная часть

В современной политике наблюдается активное использование исторического знания. Различные политические акторы, преследуя собственные цели, формируют определенные представления о национальной идентичности, легитимируют свои действия и мобилизуют электорат, опираясь на исторические нарративы. В этой связи анализ политики памяти приобретает особую важность, позволяя выявить политические мотивы, лежащие в основе предлагаемых интерпретаций прошлого.

Изучение отношения к прошлому в научной литературе характеризуется разнообразием используемых понятий, описыва-

ющих схожие явления и процессы: историческая политика, политика памяти, политика прошлого, коллективная и социальная память, культура памяти, политическое использование прошлого, символическая политика и другие соперничающие между собой определения. Вопрос памяти привлекает внимание историков по всему миру, что в сочетании с различиями в исторических контекстах и методологических подходах обуславливает широкий спектр исследований по данной тематике.

Современные исследования, посвященные изучению «памяти», – это междисциплинарная исследовательская область, разработку которой ведут представители политической науки и истории с конца 1990-х гг. Политизация истории оказывается процессом, при котором исторические нарративы, факты и интерпретации используются для достижения политических целей, укрепления идеологий или легитимации определенных политических сил. Политика памяти выступает инструментом, играющим ключевую роль в данном процессе, формируя то, как общество помнит прошлое и какие уроки из него извлекает.

В научном сообществе наряду с понятием «политика памяти» активно используется и понятие «историческая политика». Нередко оба понятия используются как взаимозаменяемые. Однако все больше исследователей подчеркивают необходимость их разграничения. Понятие «политика памяти» впервые появилось во Франции для обозначения неразрывной связи между политическими процессами и интерпретациями истории [1, с. 65].

Понятие же «историческая политика» возникло в Германии в 1980-е гг. и стало распространенным в посткоммунистических государствах после его повторного введения в научный оборот группой польских историков в 2004 г. [1, с. 66].

В настоящее время среди ученых отсутствует консенсус в отношении определения и содержания понятия «политика памяти». Разнообразие подходов к этой теме, демонстрируемое исследователями, лишь подчеркивает актуальность ее дальнейшего изучения.

Автором концепции «политики памяти» считается П. Нора, который исследует ее через призму «мест памяти». По его мнению, именно «места памяти», сочетающие в себе материальные и духовные аспекты,

становятся со временем благодаря целенаправленной деятельности важными символическими элементами национального наследия, формирующими коллективную память [2, с. 78].

По утверждению О. В. Нагорных, после падения социализма в Польше обрела популярность идея *polityka pamięci*, суть которой заключалась не в установлении исторической правды, а в использовании истории для целенаправленного формирования выгодного образа прошлого в общественном и индивидуальном сознании. Польские теоретики и практики посткоммунистической эпохи рассматривали «политику памяти» как набор инструментов для конструирования общественного мнения о прошлом с целью манипулирования настоящим [3, с. 95].

Польский социолог Лех Нияковский рассматривает «политику памяти» и «историческую политику» как синонимы, однако считает, что более корректно использовать понятие «политика памяти», под которым он понимает любые легальные и легитимные действия государственных институтов, направленные на формирование, изменение или укрепление коллективной памяти общества [4, с. 55].

Д. А. Аникин также считает понятие «политика памяти» наиболее подходящим для научного анализа и определяет его как целенаправленные действия по формированию востребованного образа прошлого в политическом контексте, выражающиеся в вербальных и визуальных практиках [5, с. 36].

Другого мнения придерживается украинский исследователь Г. Касьянов. Он предлагает различать «историческую политику» и «политику памяти». Первая, по его утверждению, являясь формой политической деятельности, направлена на конструирование и инструментализацию исторической памяти, а также представляет собой арену борьбы за власть. Она служит для обеспечения лояльности и поддержания идейно-политического контроля над обществом. В отличие от этого «политика памяти» – более узкое понятие, сфера влияния которого ограничивается формированием коллективной или исторической памяти, не затрагивая профессиональную историографию или дидактику истории [6, с. 27].

По мнению А. Миллера, история неизменно подвергается политизации, и это практически неизбежно. В связи с этим он определяет «политику памяти» как комп-

лекс практик, посредством которых различные политические силы стремятся закрепить конкретные трактовки исторических событий в качестве господствующих [7, с. 118]. При этом он подчеркивает, что доминирующую роль здесь играет государство.

Схожей позиции придерживается и О. Ю. Малинова. Она рассматривает «политику памяти» как деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение определенной версии коллективного прошлого и создание для этого необходимой культурной среды, системы образования и правовой базы. По ее утверждению, именно такое понимание наиболее адекватно отражает процессы, происходящие не только в глобальном масштабе, но и на региональном уровне [8, с. 63].

О. Ю. Малинова также обращает внимание на то, что «политика памяти» является составным элементом символической политики, которую она определяет как публичную деятельность, направленную на создание и продвижение интерпретаций социальной реальности и борьбу за их доминирование [8, с. 72]. Это поле взаимодействия акторов с разными интересами, стремящихся к утверждению своего видения.

Однако существует и иное понимание «символической политики». Так, С. Поцелуев определяет это направление как особый вид политической коммуникации, ориентированной на внушение смыслов посредством визуализации [9, с. 65].

Тем не менее О. Ю. Малинова, опираясь на теорию П. Бурдьё, подчеркивает, что «политику памяти» по праву можно считать одной из основных областей символической политики, поскольку внедрение новых представлений о реальности часто достигается через переосмысление прошлого или конструирование будущего, ограничивающее восприятие настоящего [8, с. 74].

При исследовании «политики памяти» А. Г. Цымбал приходит к выводу, что в науке существует дифференциация подходов к изучению данного понятия. Одни считают, что историческая политика является частью «политики памяти», другие же утверждают, что оба понятия входят в состав более крупной области – символической политики [10, с. 39].

Используя концепцию «черного ящика» Д. Истона, определить «политику памяти» можно как процесс преобразования внешних стимулов политической системой.

Согласно этой модели, политическая система реагирует на требования и поддержку, формируя решения и действия в сфере «политики памяти». Требования, связанные с перераспределением ценностей, выступают как один тип входных стимулов.

Другой тип – это поддержка, выражающая готовность общества одобрять политическую систему в том случае, если ее действия соответствуют общественным ожиданиям [11, с. 391]. Таким образом, поддержка со стороны общества выступает как один из ключевых факторов, определяющих эффективность политической системы в данной области.

На основании вышеизложенных мнений можно сформулировать общее авторское видение понятия «политика памяти». Итак, *политику памяти можно представить как систематизированную совокупность идей, ценностей и событий, в рамках которой происходит целенаправленное переосмысление прошлого и формирование образов будущего с целью влияния на восприятие настоящего.*

С практической точки зрения «политика памяти» в политической системе общества может рассматриваться как источник применения символических средств для достижения различных политических целей.

С. С. Лифанов утверждает, что в политической науке и в политике в целом «политика памяти» сосредоточена на проблемах власти, структуре властных отношений и ее легитимации [12, с. 81]. Также он отмечает, что в контексте политического менеджмента исследования «политики памяти» могут использоваться для достижения конкретной (хотя и не всегда очевидной) цели – конструирования дискурса идентичности, где «политика памяти» занимает центральное место. Этот дискурс, будучи частью идеологической стратегии государства и его информационной политики, может быть использован для манипулирования общественным мнением, эскалации или сглаживания конфликтов, а также для продвижения геополитических интересов [12, с. 86].

Различные же трактовки исторического прошлого могут провоцировать и усиливать ксенофобию. В этой связи необходимо государственное вмешательство, которое правомочно определять объективную истину в исторических аспектах. Роль государства в таких противоречиях способствует не только разоблачению ложных данных,

но и консолидации всего гражданского общества.

В своих рассуждениях С. С. Лифанов приходит к тому, что противоречия во мнениях о прошлом существуют не только между участниками одного общества, но и между сторонними по отношению друг к другу представителями обществ. Так, он приходит к выводу о наличии принципиальных различий между западно- и восточноевропейскими подходами к формированию «политики памяти». Эти различия, как показывают исследования, напрямую связаны с разными целями и мотивами, которыми руководствуются субъекты политической деятельности в указанных регионах для формирования и продвижения различных версий исторического прошлого [12, с. 88].

По мнению С. С. Лифанова, для западной модели «политики памяти» характерны следующие черты:

1. Доминирующая роль темы Холокоста и формирование чувства коллективной вины за прошлое, что часто заслоняет другие исторические события.

2. Замещение западноевропейской модели восточноевропейской линией двойных жертв.

3. Трансформация в идеологический проект для геополитического доминирования.

4. Активное использование новейших манипулятивных технологий и эмоционального воздействия в ущерб фактической точности и интеллектуальной глубине при конструировании исторической памяти в информационном пространстве постправды [12, с. 90].

Важной особенностью западноевропейской модели является активная актуализация упущенных событий национальной истории в общественном сознании и их восстановление в исторической памяти в публичном пространстве [13, с. 5].

К примеру, в государствах Балтии и Польше политика памяти зачастую используется для одностороннего переосмысления советского прошлого с возложением всей вины за преступления тоталитаризма исключительно на СССР и современную Россию как его правопреемника [14, с. 73].

В восточноевропейской модели приоритет в «политике памяти» отдается истории государства, при этом региональные практики коммеморации в основном касаются вопросов территориальной и политической самостоятельности. Особое внимание уделя-

ется юбилейным датам, связанным с единением региона или государства, его образованием как самостоятельной административной единицы или основанием городов. Эти события используются для подчеркивания их уникальности и символической значимости.

Исключительное значение имеет другой элемент коллективного прошлого – Великая Отечественная война. Она занимает центральное место в коммеморативных практиках, при этом государственная политика памяти пользуется широкой поддержкой населения, ведь масштаб трагедии Великой Отечественной войны затронул большое количество людей [15, с. 447].

Заключение

Итак, в рамках политической теории политика памяти имеет прикладное значение, поскольку ее исследование находится на стыке различных наук: политологии, истории и международных отношений. Ее изучение способствует ответу на важные для политической науки вопросы о власти и государстве. В научном сообществе наблюдается дифференцированный подход к исследованиям политики памяти и ее значения

для политики в целом. Политика памяти тесно соприкасается с исторической и символической политикой.

Таким образом, политику памяти можно представить как систематизированную совокупность идей, ценностей и событий, в рамках которых происходит целенаправленное переосмысление прошлого и формирование образов будущего с целью влияния на восприятие настоящего.

Основная задача политики памяти – выражение тесной связи между политикой и способами осмысления истории. Ключевые идеи заключаются в выражении конкретных представлений об истории для коллективного применения, а основным субъектом по ее формированию выступает государство.

В рамках исследования политики памяти сформированы две модели: западная и восточная. Первая основана на выражении определенных идей и исторических событий в качестве доминирующих в публичном пространстве путем применения тактик манипулирования. Восточная опирается на историю государства, ее важнейшие события и увековечивание памяти о Великой Отечественной войне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2015. – 376 с.
2. Nora, P. Ernest Lavis: Son rôle dans la formation du sentiment national / P. Nora // *Revue historique*. – 1962. – Nr 463. – P. 73–106.
3. Нагорных, О. В. Политика декоммунизации в современной Польше: сущность, направления, механизмы реализации : дис. ... канд. полит. наук : 5.5.2 / Нагорных Олег Владимирович ; Урал. федер. ун-т им. Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2022. – 205 л.
4. Nijakowski, L. M. Polska polityka pamięci : esej socjologiczny. / L. M. Nijakowski. – Warszawa : Wydaw. Akad. i Profesjonalne, 2008. – 270 s.
5. Аникин, Д. А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве / Д. А. Аникин // *Известия Саратовского университета*. – 2012. – № 2. – С. 34–41.
6. Касьянов, Г. Past Continuous: історична політика 1980-х – 2000-х. Україна та сусіди / Г. Касьянов. – Київ : Лау, рус. Антропос-Логос-Фільм, 2018. – 420 с.
7. Миллер, А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти / А. И. Миллер // *Полития*. – 2016. – № 1. – С. 111–121.
8. Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – М. : Полит. энцикл., 2015. – 207 с.
9. Поцелуев, С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме / С. П. Поцелуев // *Полис*. – 2012. – № 5. – С. 62–75.
10. Цымбал, А. Г. Историческая политика: к проблеме концептуализации понятия / А. Г. Цымбал // *Вышэйшая школа*. – 2023. – № 4. – С. 38–41.
11. Easton, D. An Approach to the Analysis of Political System / D. Easton // *World Politics*. – 1957. – Nr 9. – P. 383–400.
12. Лифанов, С. С. Историческая память и наднациональная идентичность на Западе / С. С. Лифанов // *Дискурс-Пи*. – 2021. – № 4. – С. 78–93.

13. Lewis, S. Introduction: Regions of Memory in Theory: Regions of Memory / S. Lewis, J. Wawrzyniak // *Regions of Memory Transnational Formations* / Ed. by S. Lewis, J. Wawrzyniak, J. Olick, M. Pakier. – London, 2022. – P. 1–16.

14. Траба, Р. Польские споры об истории в XXI веке / Р. Траба // *Историческая политика в XXI веке*. – 2012. – № 3. – С. 65–102.

15. Миллер, А. И. Политика памяти в России – региональное измерение : монография / под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефременко ; РАН, ИНИОН, Отд. полит. науки ; Центр по изучению культур. памяти и символической политики Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. – М. : Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН, 2023. – 471 с.

REFERENCES

1. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovej. – Ekaterinburg : Diskurs-Pi, 2015. – 376 s.

2. Nora, P. Ernest Lavis: Son rôle dans la formation du sentiment national / P. Nora // *Revue historique*. – 1962. – Nr 463. – P. 73–106.

3. Nagornykh, O. V. Politika dekomunizatsii v sovremennoj Pol'she: sushchnost', napravleniya, mekhanizmy realizatsii : dis. ... kand. polit. nauk : 5.5.2 / Nagornykh Oleg Vladimirovich ; Ural. feder. un-t im. B. N. Yel'cina. – Yekaterinburg, 2022. – 205 l.

4. Nijakowski, L. M. Polska polityka pamięci : esej socjologiczny / L. M. Nijakowski. – Warszawa : Wydaw. Akad. i Profesjonalne, 2008. – 270 s.

5. Anikin, D. A. Strategii politiki pamyati na postimperskom prostranstve / D. A. Anikin // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. – 2012. – № 2. – S. 34–41.

6. Kas'yanov, G. Past Continuous: istorichna polityka 1980-kh – 2000-kh. Ukraina ta susydy / G. Kas'yanov. – Kyiv : Lau, rus. Antropos-Logos-Fil'm, 2018. – 420 s.

7. Miller, A. I. Politika pamyati v postkommunisticheskoy Yevrope i ee vozdeystvie na yevropeyskuyu kul'turu pamyati / A. I. Miller // *Politiya*. – 2016. – № 1. – S. 111–121.

8. Malinova, O. Yu. Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti / O. Yu. Malinova. – M. : Polit. encikl., 2015. – 207 s.

9. Poceluev, S. P. Simvolicheskaya politika: konstellyatsiya ponyatiy dlya podkhoda k probleme / S. P. Poceluev // *Polis*. – 2012. – № 5. – S. 62–75.

10. Cymbal, A. G. Istoricheskaya politika: k probleme konceptualizatsii ponyatiya / A. G. Cymbal // *Vysheyshaya shkola*. – 2023. – № 4. – S. 38–41.

11. Easton, D. An Approach to the Analysis of Political System / D. Easton // *World Politics*. – 1957. – Nr 9. – P. 383–400.

12. Lifanov, S. S. Istoricheskaya pamyat' i nadnatsional'naya identichnost' na Zapade / S. S. Lifanov // *Diskurs-Pi*. – 2021. – № 4. – S. 78–93.

13. Lewis, S. Introduction: Regions of Memory in Theory: Regions of Memory / S. Lewis, J. Wawrzyniak // *Regions of Memory Transnational Formations* / Ed. by S. Lewis, J. Wawrzyniak, J. Olick, M. Pakier. – London, 2022. – P. 1–16.

14. Traba, R. Pol'skie spory ob istorii v XXI veke / R. Traba // *Istoricheskaya politika v XXI veke*. – 2012. – № 3. – S. 65–102.

15. Miller, A. I. Politika pamyati v Rossii – regional'oe izmerenie : monografiya / pod red. A. I. Millera, O. Yu. Malinovej, D. V. Yefremenko ; РАН, ИНИОН, Отд. полит. науки ; Центр по изучению культур. памяти и символической политики Еввропейского ун-та в Санкт-Петербурге. – М. : Ин-т науч. информ. по обшchestv. naukam РАН, 2023. – 471 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 12.12.2025